

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-398-406

УДК 821.161.1

ПОНЯТИЕ ЗАКОНА И ЗАКОННОСТИ В ТРАГЕДИИ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

О.В. Гаврильченко

Московский политехнический университет
ул. Павла Корчагина, 22, Москва, Россия, 129626

В статье делается попытка раскрыть сложность и стереоскопичность конфликта пушкинской трагедии «Борис Годунов» через категории закона и законности власти в их историческом, юридическом и нравственном понимании. Автор работы исходит из того, что в пьесе сталкиваются два взгляда на сущность и происхождение царской власти — национально-православный (ее религиозно-символическое восприятие) и западный (стремление к формальной законности). Выразителем первого выступает народ, второго — Борис Годунов. Пушкин рассматривает разные представления о законности и показывает, как их взаимодействие рождает ситуацию, в которой одна из реально действующих исторических сил становится предметом манипулирования со стороны других, а несовпадение взглядов на законность приводит к конфликту между правящим царем и народом.

Ключевые слова: законность, закон, конфликт, царь, народ, самозванец, праведная власть

Конфликт в трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина во многом основывается на представлении о законности притязаний того или иного участника исторического действия на престол. Это не случайно, с одной стороны, изображаемому времени свойственно особое восприятие царской власти как «сакральной, обладающей божественной природой» [5. С. 143], а с другой, — складывается историческая ситуация, в которой любой может претендовать на трон и любой занявший его может рассматриваться как самозванец.

Законность понимается всеми персонажами пушкинской трагедии по-своему. Для народа она связана с *наследованием* престола: истинный царь — это царь «по природе», получающий власть от Бога. По словам Б.А. Успенского, для России (в том числе в XVII веке) была актуальна «дифференциация царей “праведных” и “неправедных”, где *праведный* означает не “справедливый”, но “правильный»» [5. С. 146]. Правильным, в свою очередь, считался царь «природный», «первоначальный». С этой точки зрения, во-первых, даже законное в формальном отношении поставление на престол еще не делало человека «истинным» царем, а во-вторых, более важной оказывалась природа власти, а не характер правления: «Не поведение, но *предназначение* определяет истинного царя; поэтому царь может быть тираном (как, например, Иван Грозный), но это ни в коей мере не говорит о том, что он не на своем месте» (1) [5. С. 146].

В пьесе Пушкина оппозиция *законный — незаконный царь* впервые обнаруживается в монологе Пимена в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». Обращаясь к Григорию Отрепьеву и вспоминая минувшие времена, старец говорит: «Подумай, сын, ты о царях великих. / Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет / Противу их? Никто...» [4. Т. VII. С. 20]. Между тем завершается монолог суровой оценкой преступления Годунова: «О страшное, невиданное горе! / Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли» [4. Т. VII. С. 21]. Почему же герой позволяет себе судить царя? Ответ на этот вопрос есть в словах самого монаха: «...Мы нарекли». В монологе отразилось характерное для эпохи представление о божественном происхождении царской власти. Богоданная власть — «власть по природе» — противопоставляется «власти по внешнему подобию», пусть и не узурпированной, а полученной законным путем. Борис не наследует престол, он не «природный» царь — его избирает народ. Образ избранного царя не сакрализован, и потому такой правитель вполне может подвергаться осуждению.

Наиболее очевидна разница в отношении к законному и незаконному царю при обращении к образам Ивана Грозного и Бориса Годунова. Имена обоих государей упоминаются одновременно не только Пименом, но и Афанасием Пушкиным (в сцене «Москва. Дом Шуйского»). В монологе старца нет подробной картины правления Грозного, однако читатель легко может ее восстановить по упомянутым деталям: царь предстает «усталым от гневных дум и казней» [4. Т. VII. С. 20]. Афанасий Пушкин проводит параллель между царствованием Ивана Грозного и Годунова:

И поделом ему! он нами правит,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала поджидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля [4. Т. VII. С. 40].

Время правления Бориса Годунова изображается косвенно — через воссоздание облика эпохи Грозного (хотя, как видим, такая параллель не вполне правомерна: все-таки царь «своим жезлом не подгребает углей», «явных казней нет» и др.). При этом жесточайшего правителя не смеет осуждать ни тот, ни другой герой. «...А мы в слезах молились, / Да ниспошлет Господь любовь и мир / Его душе страдающей и бурной» [4. Т. VII. С. 21], — говорит Пимен. И Афанасию Пушкину, хотя он и не скрывает своего отношения к царю Ивану («не к ночи будь помянут»), не приходит в голову мысль о возможности избавления от такого государя, в то время как утрата венца Годуновым осознается как вероятная и рассматривается как благо: «И поделом ему!». Именно особое положение Бориса Годунова как из-

бранного, а не «природного» властителя делало его очень уязвимым. По замечанию В.О. Ключевского, «этот “рабоцарь”, царь из рабов, представлялся... загадочною смесью добра и зла, игроком, у которого чашки на весах совести постоянно колебались. При таком взгляде не было подозрения и нареkania, которого народная молва не была бы готова повесить на его имя. <...> Б. Годунов стал излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы» [1. С. 25]. Действительно, пушкинский Борис, предстающий перед читателем спустя пять лет после своего воцарения, сетует на «темную клевету», связанную с его именем: «Кто ни умрет, я всех убийца тайный: / Я ускорил Феодора кончину, / Я отравил свою сестру царицу — / Монахиню смиренную... все я!..» [4. Т. VII. С. 26]. В любых бедах, обрушивающихся на государство, народ винит царя, а сами несчастья рассматривает как небесную кару за избрание властителем цареубийцы. Вполне закономерно поэтому, что появившийся «настоящий» наследник престола — царевич Димитрий — получает полную поддержку со стороны народа.

Между тем для Годунова тоже важно законное обоснование права на власть. Перед смертью его утешает мысль о том, что его сын Феодор будет царствовать «по праву» [4. Т. VII. С. 89]. Борис и сам хочет стать *законным* царем. При этом для него существенны законность и всенародность *избрания*. «Слышал ли ты когда, / Чтоб мертвые из гроба выходили / Допрашивать царей, царей законных, / Назначенных, избранных всенародно, / Увенчанных великим патриархом?» — говорит он Шуйскому [4. Т. VII. С. 47]. Известны и исторические факты, свидетельствующие о том, что Борис Годунов старался утвердиться как *законный* в глазах всего народа царь. Как отмечает Б.А. Успенский, чин венчания Бориса на царство отличался от предшествующей русской традиции и был ориентирован на византийский ритуал, поскольку «впервые в русской истории право на престол определялось не династическим принципом, а избранием», а в «Соборном определении об избрании царя Бориса Федоровича Годунова» «специально обосновывалась законность выборного царя со ссылками на примеры Византии» [6. С. 138—139]. Однако «законность», к которой стремится Годунов, для народа никакого значения не имеет: это всего лишь власть «по внешнему подобию». Здесь сталкиваются два разных взгляда на сущность и происхождение царской власти — национально-православный и западный. Борис, по сути, предстает первым русским царем-западником.

Итак, народ и Борис Годунов по-разному понимают законность власти. С одной стороны, Борис, безусловно, осознает важность династического принципа. Недаром же, обращаясь к сыну, он говорит: «Я подданным рожден и умереть / Мне подданным во мраке б надлежало <...> / Ты царствовать теперь по праву станешь...» [4. Т. VII. С. 89]. С другой стороны, Годунов, вероятно, уравнивает законность избрания и законность наследования. Себя он считает *законным* царем и потому вначале не отдает себе отчета в том, насколько опасно появление мнимого царевича Димитрия: «Но кто же он, мой грозный супостат? / Кто на меня? Пустое имя, тень — / Ужели тень сорвет с меня порфиру, / Иль звук лишит детей моих наследства? / Безумец я! чего ж я испугался? / На призрак сей подуй — и нет его...» [4. Т. VII. С. 49].

Может быть, трагедия Бориса Годунова как правителя еще и в том, что он не учитывает народных представлений об истинном властителе. Борис-«законник» мыслит сугубо прагматическими категориями. Отсюда и неверное толкование причин народной нелюбви: «...Я отворил им житницы, я злато / Рассыпал им, я им сыскал работы — / Они ж меня, беснуясь, проклинали! / Пожарный огонь их дома истребил, / Я выстроил им новые жилища. / Они ж меня пожаром упрекали! / Вот черни суд: ищи ж ее любви» [4. Т. VII. С. 26], а затем — недооценка степени опасности слухов о Димитрии.

Если для Годунова важна законность воцарения, получение права на власть, то для Отрепьева вопроса о законности — незаконности его притязаний не существует. Собственное самозванство он рассматривает как «замысел отважный» [4. Т. VII. С. 61] и вступает в своеобразный поединок с судьбой. Не случайно появление в числе своих сторонников сына Курбского герой воспринимает как благосклонность судьбы: «...Не странно ли? сын Курбского ведет / На трон, кого? да — сына Иоанна... / Все за меня — и люди и судьба...» [4. Т. VII. С. 52]. В то же время Самозванец блестяще пользуется выгодной для него ситуацией и умело играет с народным мнением, стараясь обрести статус желанного властителя. Он стремится умножить число своих сторонников и выступает перед каждой из необходимых ему сил в том качестве, в каком его хотят видеть (как законный наследник престола, как добрый царь-батюшка, как заступник и покровитель), и с теми обещаниями, которых от него ждут. Особенно это очевидно в сцене «Краков. Дом Вишневецкого», где Отрепьев впервые предстает перед читателем в качестве царевича Димитрия. С *pater* Черниковским он говорит как истинный поборник католичества и обещает ему, что русский народ и «северная церковь» «признают власть наместника Петра» [4. Т. VII. С. 50]. Хрущову, представляющему опальных, Самозванец обещает, что Борис «расплатится во всем» [4. Т. VII. С. 53], донским казакам готов «по старине» «пожаловать... верный вольный Дон» [там же] и т.д. Герой ведет себя в соответствии с ролью «отца и государя», подстраиваясь под каждого собеседника. Играет он и с представлениями о законности престолонаследия, не просто присвоив чужое имя, но и называя себя «сыном Иоанна» [4. Т. VII. С. 52, 66], «законным царем» («...Ты кровь излить за сына Иоанна / Готовишься; законного царя / Ты возвратить отечеству...» [4. Т. VII. С. 66]), упоминая о «троне отцов» («Но если бог поможет нам вступить / На трон отцов...» [4. Т. VII. С. 53]). При этом Самозванец прекрасно разбирается в сложившейся ситуации. «...Но знай, / Что ни король, ни папа, ни вельможи — / Не думают о правде слов моих» [4. Т. VII. С. 65], — говорит он Марине в ответ на угрозу разоблачения.

Любопытно также, что история Отрепьева—Лжедмитрия включает все основные компоненты легенды о «возвращающемся царе-избавителе»: отстранение героя от власти (попытка умерщвления), его чудесное спасение, странствия (скрывается на чужбине), встречи с ним и вести от него (сцены «Москва. Дом Шуйского», «Краков. Дом Вишневецкого» и др.), попытка правящего царя помешать «избавителю» осуществить свои намерения, возвращение «избавителя» (2). Согласно легенде, «“избавитель” должен быть единственно законным, истинным царем» [7. С. 228]. Иначе говоря, именно с законным, «природным» государем,

тем или иным способом, лишившимся престола, народ связывает свои чаяния, в нем видит «отца отечества» и защитника.

Как полагает К.В. Чистов, какие-то мотивы будущей легенды о Дмитриии-«избавителе» возникли еще при жизни царевича: «По свидетельству современников, между 1584 и 1591 гг. циркулировали слухи о том, что готовится покушение на царевича, его пытаются отравить, подменить и т. д.» [7. С. 33], а первые достоверные свидетельства о существовании слуха, будто Дмитрий жив, относятся к 1598 году [7. С. 36], т.е. ко времени воцарения Бориса Годунова. Появлению самозванца обычно предшествует бытование легенды, которую он потом и использует [7. С. 32—33]. Именно так поступает и Отрепьев, стремясь к осуществлению своих замыслов.

Еще одна сила, действующая в изображенной исторической ситуации, — бояре и родовитые дворяне. Им хорошо известны народные представления об истинном, законном царе и отношении к Годунову. Так, Шуйский, узнав от Афанасия Пушкина о появлении в Кракове царевича Димитрия, сразу понимает опасность ситуации, хотя и не сомневается в том, что это самозванец: «...Весть важная! и если до народа / Она дойдет, то быть грозе великой» [4. Т. VII. С. 40]. И Афанасий Пушкин с ним соглашается: «Такой вине, что вряд царю Борису / Сдержать венец на умной голове» [там же]. Сами же бояре готовы трактовать законность в нужном им ключе. Призывая народ признать Димитрия царем, они используют в качестве аргумента именно факт *законности* его притязаний. Наиболее показательна с этой точки зрения речь Гаврилы Пушкина в сцене «Лобное место». Он настойчиво подчеркивает, что Димитрий — законный претендент на престол, и даже вводит своего рода оппозицию *законный — незаконный* в отношении Самозванца и Годунова: *Димитрий* — «царь законный», «внук Мономаха», «законный владыка», «...он идет на царственный престол своих отцов...» [4. Т. VII. С. 95—96], *Борис* — «жестокий пришелец» [4. Т. VII. С. 96]. Примечательно, что Гаврила Пушкин, обращаясь к народу, именно в соответствии с народным восприятием «истинного» царя создает образ доброго государя, радеющего о благе своих подданных: «Димитрий же вас жаловать намерен, / Бояр, дворян, людей приказных, ратных, / Гостей, купцов — и весь честной народ» [4. Т. VII. С. 96]. Признавая законность воцарения Феодора, тот же Гаврила Пушкин говорит Басманову о другом, «законнейшем» претенденте на престол, вполне при этом допуская, что он самозванец. Понятие законности подменяется понятием выгоды, и этим определяется отношение приближенных к Борису Годунову и Лжедимитрию.

Итак, Самозванца в народе воспринимают как «истинного», «законного» царя, искренне веря в спасение царевича. Это и обеспечивает ему поддержку. Однако, как только он обретает власть, его маска, так же как и искусная игра народным мнением, отбрасывается, и становится очевидной сущность его устремлений. Новый царь тоже не оправдывает народных надежд. Путь к престолу снова омрачен убийством невинного отрока — Феодора, сына Годунова. ореол сакральности, окружавший образ Димитрия, разрушается, и Самозванец попадает под власть общих для всех нравственных законов, а значит, может подвергнуться нравственному суду со стороны народа, в представлении которого царь, участвующий в убийстве ребенка, не может быть «истинным».

Между тем законность воцарения, как бы она ни понималась разными участниками исторической ситуации, вовсе не предполагает праведности властителя. Может ли царь быть (или оставаться) праведным? По логике пушкинской трагедии, едва ли. Путь к власти оказывается сопряжен с убийством. Эта мысль подтверждается в пьесе и потенциальными линиями развития конфликта, связанными с другими персонажами — Шуйским, Басмановым, которые тоже готовы преступить нравственный закон ради достижения своих целей. Так, Шуйского вовсе не шокирует совершенное Борисом Годуновым злодейство. В ответ на предположение Воротынского о том, что Борису мешает ступить на престол «кровь невинного младенца», он бросает: «Перешагнет; Борис не так-то робок!» [4. Т. VII. С. 7], а затем напрямую связывает осуществление Годуновым своих властолюбивых помыслов со «смелостью», одновременно противопоставляя ей собственную «робость»: «Он смел, вот все — а мы...» [4. Т. VII. С. 9]. Вероятно, при случае и он не остановится ни перед чем. Басманов обласкан Борисом и наряду с Шуйским упомянут им в предсмертном обращении к сыну. Вместе с другими он присягает Феодору, но предаёт юного царя. Причем в цепочке рассуждений Басманова «власть» занимает далеко не последнее место: «...Опальному изгнаннику легко / Обдумывать мятеж и заговор — / Но мне ли, мне ль, любимцу государя... / Но смерть... но власть... но бедствия народны...» [4. Т. VII. С. 94]. Таким образом, стремление к власти и ее достижение в трагедии «Борис Годунов» неизбежно связаны с нарушением основ нравственности.

Персонажи пушкинской трагедии (и Борис, и Лжедмитрий, и бояре) жаждут получить *право* властвовать. Борис хочет обрести это право законным путем, но совершает убийство. Самозванец приходит к власти посредством обмана, с самого начала лишив себя возможности сохранить статус желанного, ожидаемого народом царя.

Пушкин связывал с понятием власти и право, и закон. Создавая оду «Вольность», поэт считал закон силой, стоящей над народом и правителем, воплощением справедливости: «Владыки! вам венец и трон / Дает Закон — а не природа; / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон. / И горе, горе племенам, / Где дремлет он неосторожно, / Где иль народу иль царям / Законом властвовать возможно!..» [4. Т. II. С. 46]. Представление о законе как обязательной составляющей справедливой власти сохраняется и в других его стихотворениях конца 1810-х — начала 1820-х годов («Сказки (No. 1)» (1818), «Деревня» (1819), «Кинжал» (1821) и др.). Но уже в 1824 году философские категории просветительства осмысливаются Пушкиным иначе. «Судьба людей повсюду та же: / Где благо, там уже на страже / Иль просвещенье, иль тиран», — пишет он в стихотворении «К морю» [4. Т. II. Ч. 1. С. 333], фактически ставя знак равенства между идеалами просветителей и тиранией. Меняется отношение поэта к закону, который может быть использован и неправедной властью. В стихотворении «Андрей Шенье» (1825) в монологе поэта есть строки о следствиях французской революции: «... Оковы падали. Закон, / На вольность опершись, провозгласил равенство, / И мы воскликнули: Блаженство! / О горе! О безумный сон! / Где вольность и закон? Над нами / Единый властвует топор. / Мы свергнули царей. Убийцу с палачами / Избрали мы в цари. О ужас! о позор!..» [4. Т. II. Ч. 1. С. 398] (3). Эта мысль получает

логическое развитие в стихотворении «(Из Пиндемонти)» (1836): «...Зависеть от властей, зависеть от народа — / Не все ли нам равно?» [4. Т. III. Ч. 1. С. 420].

В то же время Пушкин, по-видимому, не отрицает возможности «праведной», желанной власти, которая для него связана с нравственным началом в человеке. Ю.М. Лотман отмечает: «...уже с “Героя”, с его требованием оставить герою сердце, все более выдвигается вперед представление о том, что прогрессивность исторического деятеля измеряется степенью его человечности» [2. С. 225]. Для поэта, по мнению исследователя, глубоко знаменательно «противопоставление милости и правосудия, невозможное ни для просветителей XVIII в., ни для декабристов» [3. С. 222—223].

Власти как силе и праву Пушкин противопоставляет власть, основанную на моральном законе. Но все персонажи «Бориса Годунова», участвующие в историческом действии, носителями морального закона не являются. Поэтому народные надежды неосуществимы. Эта мысль реализуется в трагедии и сюжетно: народ хочет видеть на престоле доброго и справедливого государя, в некотором роде сказочного царя, который воплощается в образе царевича Димитрия, однако трагизм ситуации в том, что этот единственно возможный «истинный» царь в действительности царем быть не может.

Неизбежный распад политики и нравственности — трагедия не только для народа, но и для власти, ни один носитель которой не сможет править «по совести», ибо на пути к престолу преступает ее законы.

Пушкин в «Борисе Годунове» демонстрирует практически всю палитру «законных» мотивировок, существующих в истории. Стремящийся к законности и получающий власть законным путем Борис не может править «по совести», хотя и наделен государственным умом и необходимыми властителю качествами. Соответствующий народным представлениям об истинном царе Самозванец обретает власть посредством обмана. Вместо царя-избавителя народ получает царя-оборотня. В руках бояр законность становится удобным средством достижения собственных целей. Подлинно законный царь Иван Грозный хоть и не осуждается народом, но вызывает страшные воспоминания («не к ночи будь помянут»). Законный монарх Феодор Иоаннович — в сущности, не настоящий правитель, отдавший все в руки Бориса Годунова. Действенность и справедливость разных мотивировок поэт проверяет введением в историческую ситуацию и делает это с помощью художественного воплощения логики отношений между самой идеей закона, ее пониманием разными субъектами исторического действия и ее реализацией в определенном событии. С этой точки зрения пушкинская трагедия окрашивается смыслами объективного исторического развития, где наряду со многими проблемами «судьбы человеческой — судьбы народной» не последнее место занимают вопросы законности и в юридическом, и в историческом, и в нравственном смысле.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В оригинале выделено не курсивом, а разрядкой.
- (2) Подробное описание составляющих легенду мотивов см. в работе К.В. Чистова [7. С. 30—32].
- (3) Обратим внимание на переключку строк из «Андрея Шенье» с фразой Пимена: «О страшное, невиданное горе! / Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу /

Мы нарекли» [4. Т. VII. С. 21]. Оба произведения созданы в 1825 году, и перекличка, по видимому, возникает не случайно. И закон может оказаться «топором», а поддерживающий «законное право» народ — привести к власти убийцу. Так, слова Пимена можно было бы повторить в финале трагедии: «владыкою» опять становится цареубийца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. Т. 3: Курс русской истории, ч. 3. М.: Госполитиздат, 1957. 428 с.
- [2] *Лотман Л.М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А.С. Борис Годунов. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. С. 129—359.
- [3] *Лотман Ю.М.* Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 212—227.
- [4] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.
- [5] *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 142—183.
- [6] *Успенский Б.А.* Экскурсы III. Особенности поставления на царство Бориса Годунова и Лжедмитрия: элементы византийского и западного обряда в русском ритуале // Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 136—143.
- [7] *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.

© Гаврильченко О.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 апреля 2017

Дата принятия к печати: 22 апреля 2017

Для цитирования:

Гаврильченко О.В. Понятие закона и законности в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 398—406. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-398-406

Сведения об авторе:

Гаврильченко Оксана Владимировна, доцент Московского политехнического университета.
Контактная информация: e-mail: gavrilchenko-oksana@yandex.ru

LAW AND LEGALITY CONCEPT IN A.S. PUSHKIN'S TRAGEDY "BORIS GODUNOV"

O.V. Gavrilchenko

Moscow Polytechnic University
Pavla Korchagina str., 22, Moscow, Russia, 129626

The article attempts to reveal the complexity and stereoscopic nature of the conflict in the Pushkin's tragedy "Boris Godunov" through categories of law and the legality of authorities in their historical,

legal and moral understanding. The author of the work takes notice on the fact that in the play two views on the essence and origin of the tsarist power — the national-Orthodox (religious-symbolic perception of the tsar's power) and the western (the desire for formal legality) collide. The first point of view is expressed by the people, the second is expressed by Boris Godunov. Pushkin examines different ideas about the legality and shows how their clash creates a situation in which one of the real historical forces is manipulated by others, and the mismatch of the notion of legality leads to a conflict between the ruling tsar and the people.

Key words: law, legality, conflict, tsar, people, impostor, righteous authority

REFERENCES

- [1] Kljuchevskij V.O. Sochinenija: v 8 t. T. 3: Kurs russkoj istorii, ch. 3 [Russian history cours]. M.: Gospolitizdat, 1957. 428 s.
- [2] Lotman L.M. Istoriko-literaturnyj kommentarij [Historical and literary commentaries]. Pushkin A.S. Boris Godunov. SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij Proekt», 1996. S. 129—359.
- [3] Lotman Yu.M. Idejnaja struktura «Kapitanskoj dochki» [Idea structure of “Capitanskaya dochka”]. Lotman Yu.M. Pushkin. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1995. S. 212—227.
- [4] Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij [Complete collection of works]. V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937—1959.
- [5] Uspenskij B.A. Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen [Tsar and impostor: Imposture in as a cultural and historical phenomenon in Russia]. Uspenskij B.A. Izbrannye trudy. T. 1. [Selected works]. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 142—183.
- [6] Uspenskij B.A. Jekskurs III. Osobennosti postavlennija na carstvo Borisa Godunova i Lzhedmitrija: elementy vizantijskogo i zapadnogo obrjada v russkom rituale [Features of ruling the kingdom of Boris Godunov and Lzhedmitrii: elements of Byzantine and Western rite in Russian ritual]. Uspenskij B.A. Car' i patriarh: harizma vlasti v Rossii (Vizantijskaja model' i ee russkoe pereosmyslenie). M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. S. 136—143.
- [7] Chistov K.V. Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII—XIX vv. [Russian folk social and utopia legends of XVII—XVIII century]. M.: Nauka, 1967. 342 s.

Article history:

Received: 2 April 2017

Revised: 22 April 2017

Accepted: 28 April 2017

For citation:

Gavrilenko O.V. (2017) Law and Legality concept in A.S. Pushkin's tragedy “Boris Godunov”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 398—406. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-398-406

Bio Note:

Gavrilenko Oksana Vladimirovna, Assistant professor of Moscow Polytechnic University. Contacts: e-mail: gavrilenko-oksana@yandex.ru